

Batyreva, Svetlana Garrievna

*Kalmyk Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences,
Elista, Russian Federation*

Батырева Светлана Гарриевна

*Калмыцкий научный центр Российской академии наук,
г. Элиста, Российская Федерация*

**FOLK ARTS AND CRAFTS
OF THE OIRATS OF MONGOLIA:
TO THE FORMULATION
OF THE PROBLEM OF STUDY**

**НАРОДНОЕ
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ
ИСКУССТВО
ОЙРАТОВ МОНГОЛИИ:
К ПОСТАНОВКЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

DOI 10.46748/ARTEURAS.2021.03.007

УДК 745/749(517.3)

БЛАГОДАРНОСТЬ:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ 19-512-44002 Монг_т «Народное декоративно-прикладное искусство ойратов Монголии и калмыков России: общее и особенное в сравнительно-сопоставительном анализе».

ACKNOWLEDGEMENT:

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-512-44002 “Folk Arts and Crafts of the Oirats of Mongolia and the Kalmyks of Russia: The General and the Special Through Comparative Analysis.”

АННОТАЦИЯ

Народное декоративно-прикладное творчество ойратов Монголии выражает этническую ментальность в системе культуры как своеобразную, во многом уникальную форму осмысления мира. Оно формирует традиционное мироощущение номадов, претворяемое в декоративном оформлении произведений прикладного творчества. Здесь фиксируются общее и этнические особенности народной эстетики, образного мировидения монгольских народов. В анализе орнаментального декора предметной среды важно исходить из знаковой сути культурного наследия номадов, концентрируемого в тамговом комплексе, народном костюме и орнаментике. В художественной форме пластического фольклора, передаваемого из поколения в поколение, сохраняются древние архетипы мышления предков, проецируемые во взаимосвязях духовного и материального бытия номадов. Выявление их дает возможность осмыслить декоративно-прикладное искусство ойратов Монголии в традициях, основополагающих для изучения пластического фольклора калмыков России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурное наследие; ойраты Монголии; калмыки России; художественные традиции; тамга; орнамент; народный костюм.

ABSTRACT

Folk arts and crafts of the Oirats of Mongolia expresses the ethnic mentality of culture as a kind, in many ways a unique form of understanding the world. It forms the traditional attitude of the nomads, embodied in the decorative design of works of applied art. Here the general and ethnic features of the folk aesthetics, the figurative worldview of the Mongolian peoples are recorded. In the analysis of the ornamental decor of the subject environment, it is important to proceed from the symbolic essence of the cultural heritage of the nomads, concentrated in the tamga complex, folk costume and ornamentation. In the artistic form of plastic folklore, passed down from generation to generation, the ancient archetypes of the ancestors' thinking are preserved, projected in the interconnections of the spiritual and material life of the nomads. Their identification makes it possible to comprehend the decorative and applied art of the Oirats of Mongolia in the traditions that are fundamental for the study of the plastic folklore of the Kalmyks of Russia.

KEYWORDS: cultural heritage; Oirats of Mongolia; Kalmyks of Russia; artistic traditions; tamga; ornament; folk costume.

Народное декоративно-прикладное искусство ойратов Монголии — ценное материальное наследие культуры. В его основе лежат художественные традиции ремесленного производства предметов быта и скотоводческого хозяйства номадов. Ойраты — собирательный термин, которым обозначают захчинов, дербетов, торгутов, хойтов и хошутов, олетов, мингатов, урянхайцев, баитов и котонов, населяющих западный регион Монголии. Отсюда в начале XVII в. ушла часть племен далеко на запад, обосновавшаяся в степях Северного Прикаспия и давшая начало формированию калмыцкого этноса. Изучение ойратского наследия позволяет глубже войти в архаические корни культуры, традиционного наследия калмыков. Обращение к знаковым явлениям культуры — тамговому комплексу и орнаменту, образующим символический декор народного костюма, — необходимо для осмысления пластического фольклора калмыков.

Функциональную структуру костюма ойратов дополняет декоративное оформление изделий, входящих в традиционный ансамбль. Народный костюм, явление номадической культуры, создан в традициях художественной обработки ткани, кожи и войлока, металла, кости и рога. Локальные особенности одежды несет орнаментальный декор, существенную часть которого образуют тамговые знаки как этнические маркеры культурного наследия ойратов Монголии.

Художественное мышление спроецировано в символической выразительности орнаментальных и тамговых мотивов, цвете, форме и атрибутах народного костюма, их пространственной трактовке в том или ином материале традиционного хозяйства и быта. Исследование традиций в историческом процессе формирования и развития культурного наследия ойратов Монголии впервые реализуется в междисциплинарном подходе изучения знаковых историко-культурных комплексов наследия — тамгового и орнаментального, народного костюма, взаимосвязанных в органичной целостности мифопоэтического мировидения номадов. Оно одухотворяет содержание и формы декоративно-прикладного творчества.

В сравнительном анализе художественных традиций ойратов и их этнических преемников — калмыков России необходимо опереться на опыт изучения пластического фольклора в обобщении трудов отечественных и монгольских исследователей. Практической базой исследования является полевой материал автора, отечественный музейный и архивный фонд произведений прикладного творчества ойратов и калмыков.

Достаточно обширна описательная база художественных традиций монголов в трудах ученых Монголии Б. Ринчена [20], Д. Майдара [19] и Л. Батчулууна [27] и др. Прикладное творчество

номадов рассматривается в исследованиях авторов [26; 32], где в общем русле дается характеристика традиционного уклада бытия в представлении видов народного творчества без углубления в специфику ремесла. Художественной обработке войлока отводится особое место в монографии Л. Батчулууна, посвященной традициям войлоковаления [27]. Искусство монгольского ковроделия рассматривается в работе Ц.-О. Батсайхана и Н.П. Бесчастнова [1], где уделяется внимание орнаментальному декору войлочных и ковровых изделий. Отдельной темой изучения монгольского народного искусства стал орнамент, например в работах Б. Батсюке и Ч. Баярмы [28; 34].

Традиционной культуре и, в частности, орнаменту и костюму монгольских народов посвящен отечественный материал исследований П. Хороших, К. Вяткиной, Д. Сычева [10; 11; 21]. В историческом аспекте развития культуры народов Центральной Азии рассмотрен орнамент в фундаментальном труде С. Иванова [15]. Монография искусствоведа Н. Кочешкова выстроена в сравнительном анализе декоративно-прикладного искусства монголов, бурят, калмыков XIX — начала XX века. В исследовании традиций художественной обработки кожи и войлока, дерева и металла, ткани анализируется орнаментальный декор предметной среды [18]. Впервые самостоятельным предметом изучения рассмотрено декоративно-прикладное искусство калмыков XVIII — начала XX в. в монографии искусствоведа С. Батыревой [8]. В этнографическом ключе предпринято исследование культуры, не затрагивающее художественные традиции прикладного творчества калмыков [22].

Продолженные в этнологическом русле исследования М. Амгалана, Б. Баасанхуу, Ш. Эрдэнэцэцэг [24; 25; 33] представляют культуру Монголии и традиции прикладного творчества ойратов. Обращаясь к древним истокам монгольского искусства, нельзя обойти вниманием труды Д. Пурэвдоржа, Х. Пэрлээ, посвященные изучению тамговых знаков, исследования Д. Гантулги о художественном декоре войлочных ковров Ноин-Улы [12; 29; 30; 31]. Рассматривая истоки прикладного творчества в номадической цивилизации Евразии и Центральной Азии, важно проследить этногенетические связи древности, средневековья и позднего времени в искусстве ойратов Монголии.

Важную роль в историко-культурной реконструкции наследия имеют отечественные музейные коллекции, ставшие предметом изучения. Представленное исследование базируется на научной атрибуции памятников прикладного творчества из собрания Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН (КалмНЦ РАН) с привлечением фондов Национального музея Республики Калмыкия имени

Н.Н. Пальмова, Российского этнографического музея и некоторых музейных коллекций Монголии. Наряду с памятниками художественного наследия источниковую базу составили архивные и полевые материалы, собранные в научно-поисковой деятельности в Западной Монголии [ПМА 2007; ПМА 2018]. Обобщение экспедиционного материала 2007 г., значимой частью вошедшего в собрание Музея имени Зая-пандиты [9, с. 169–178], позволяет выявить общие истоки и локальную специфику культуры ойратов и калмыков.

Этническое своеобразие прикладного творчества осмысливается через «феномен искусства как специфический регулятивный механизм, координирующий многоуровневую взаимосвязь человеческой деятельности с разными пластами культуры, в свою очередь, понятой в качестве системы средств освоения и трансформации мира» [6, с. 4]. В сравнении с ойратским наследием важно выявить, что сохранилось и приобретено калмыцкой культурой в историческом этногенезе. Полагаем: в процессе развития калмыцкой культуры сохраняется традиционная основа — этос центрально-азиатского наследия. В установлении исторической закономерности исходной базой наследия калмыков воспринимаем культуру ойратов. Впервые традиции номадов, рассматриваемые в концепте философского учения монголов *арга билиг* о взаимообусловленности бытия, получают осмысление в трудах отечественных исследователей [16; 23].

Анализируемое в архетипах образного мышления наследие номадов объемлет основополагающие блоки декоративного искусства ойратов и калмыков: народный орнамент, тамги, традиционный костюм, органично взаимосвязанные. Полагаем, структурно-функциональный подход позволит установить сохраняемую традиционную основу наследия в наслоении воспринятых новаций, обусловивших этническое своеобразие калмыцкого искусства. Оно сформировано потенциальными возможностями адаптации культуры в смене условий бытия. Для осмысления этого процесса требуется междисциплинарный подход, совмещающий методы истории, искусствоведения, этнологического музееведения, философии и культурологии в выявлении общего и особенного в традициях калмыков России и ойратов Монголии. Сравнительно-сопоставительный анализ прикладного искусства отмечен новизной подхода, не дифференцирующего виды художественных ремесел по материалам, а объединяющего их в структурные комплексы наследия, что позволяет предметно вычленить знаковую суть общего и особенного. В результате выявляются динамика, направление, ритм и формы развития искусства в призме традиционного мировидения. Акцент делается на «первообразное»

мироощущение, сформированное этноинтегрирующими и этнодифференцирующими функциями художественных традиций. Ими осуществляется преемственность развития народного искусства в системе традиционной культуры [6, с. 9].

В архетипах образного мышления, воплощаемых в знаковых комплексах, сохраняются традиции, взаимосвязанные генезисом культуры. Таким образом, сформирован общий фонд тамгового наследия, многообразие мотивов орнаментального декора предметов быта, единые формы и символика народного костюма. Декоративно-прикладное творчество объемлет знаковую суть традиционного наследия, обусловленную хозяйственным укладом, материальным и духовным бытием номадов.

В предварительном обзоре орудий хозяйственного назначения, одежды, утвари, украшений ойратов обнаруживаем сходство традиций художественной обработки материалов. В тамговом комплексе, орнаментальной культуре и народном костюме прослеживается общая основа образного мироощущения. Оно составляет мир культуры, сформированный единым природным ландшафтом и исторически сложившимся хозяйственным укладом бытия ойратов Западной Монголии.

Декоративное оформление одежды и атрибутов в самобытной выразительности ансамбля народного костюма ойратов объединяет войлок и кожу, металл и ткань — традиционные материалы. При всех деталях различия этнического костюма захчинов и западных халха, торгуты и мингатов, олетов и урянха, дербетов, баитов и котонов, основой мужской одежды является халатообразный *дээл*, мало отличающийся от халхасского в его летних и зимних вариантах [9, с. 169–178; 24]. Наличие общих атрибутов одежды представляет внешний облик ойрата, придерживающегося традиций. В мужском наборе это могут быть: нож и ножны, табакерка, трубка и кисет. Охотничьи принадлежности по наследству входят в традиционный ансамбль старейшины, надеваемый обычно по торжествам. Явные отличия формы и деталей несет самобытный головной убор этносов, вместе с тем наличие красного узла кисти *залаа* свидетельствует об общей монгольской традиции.

Отметим, двухслойная женская одежда ойраток отличается от халхасского халата *дээл* покроём нижнего платья *тэрлээг* и верхней безрукавки *цэгдээг*. Декор аппликации цветными шнурами, многообразие серебряных украшений и атрибутов несут выраженный локальный колорит. Своеобразие женской одежды образует художественный образ культуры ойратов, сформировавшейся во взаимовлияниях традиций народов западной окраины и сопредельных Монголии областей.

Изучение наследия во взаимосвязях знаковых комплексов актуально в отсутствии трудов

о материальной культуре ойратов и калмыков в сравнительном анализе традиций. Исследования, как правило, имеют характер этнографического описания, без анализа художественных традиций прикладного искусства. А ведь ими выявляется и подчеркивается аутентичность знаковой системы культуры как утилитарно-художественной основы мироздания номадов. Искусство принято рассматривать отражением реальности, вместе с тем произведения декоративно-прикладного творчества не являются ее прямым отражением, будучи созданы в призме мифологического мировидения. Истоки его вбирают символику образного мышления в концептах мировоззрения предков, осмысливающих реальность во взаимоотношенном единстве противоположностей. Осевую концепцию традиционного мироустройства объясняет этико-философское учение монголов *арга билиг*, трактующее бытие в условиях постоянной борьбы, равновесия и единства противоположных начал.

В методологическом аспекте анализа смысловыражения произведений прикладного искусства правомерно использовать принципы и приемы семиотики пространства, в частности учения о «символических формах» Э. Кассирера. Оно предусматривает наличие связей между пространством и смыслом, первичность символической (смысловыражающей) функции пространственных объектов и постулирование мифологического пространства, в котором каждый объект (вещь, место, идея, направление движения) обладает своим значением, а пространство — устойчивой системой связей между элементами [17, с. 99–100].

Традиционное искусство — система изображения, рожденная мифосознанием предков в сохранении реликтов архаического мышления. Концепт смысловыражения учения *арга билиг*, объясняющий семантику культурного наследия Монголии, прослеживается на примерах (оленные камни, гуннское литье, печати и тамги ханов). Здесь необходимо искать принципы создания символического изображения в древних истоках народного прикладного творчества. Оно объемлет культ Вечного Синего Неба монголов, пространственную структуру и цветовую символику мироздания в бинарной оппозиции черного-белого в призме представления о взаимоотношенности бытия. Мифопоэтическое пространство традиционного жилища, стеганого войлока, народного костюма, орнамента проецирует взаимосвязанное единство частей и элементов мироздания в принципах смысловыражения учения *арга билиг* [13, с. 54–55].

Знаковую суть народного костюма выражает его орнаментальный декор, в структуре которого обнаруживается наличие **тамговых знаков**. Явления народного прикладного искусства тамги, печати и знаки Монголии — средства образного

выражения информации. Родовая суть тамг дала начало происхождению орнамента, знаковому явлению, относящемуся к информационно-коммуникативной сфере культуры. Это одухотворяет смысловыражение произведений ойратов Западной Монголии, определяя значимое место пластического фольклора в системе традиционного наследия.

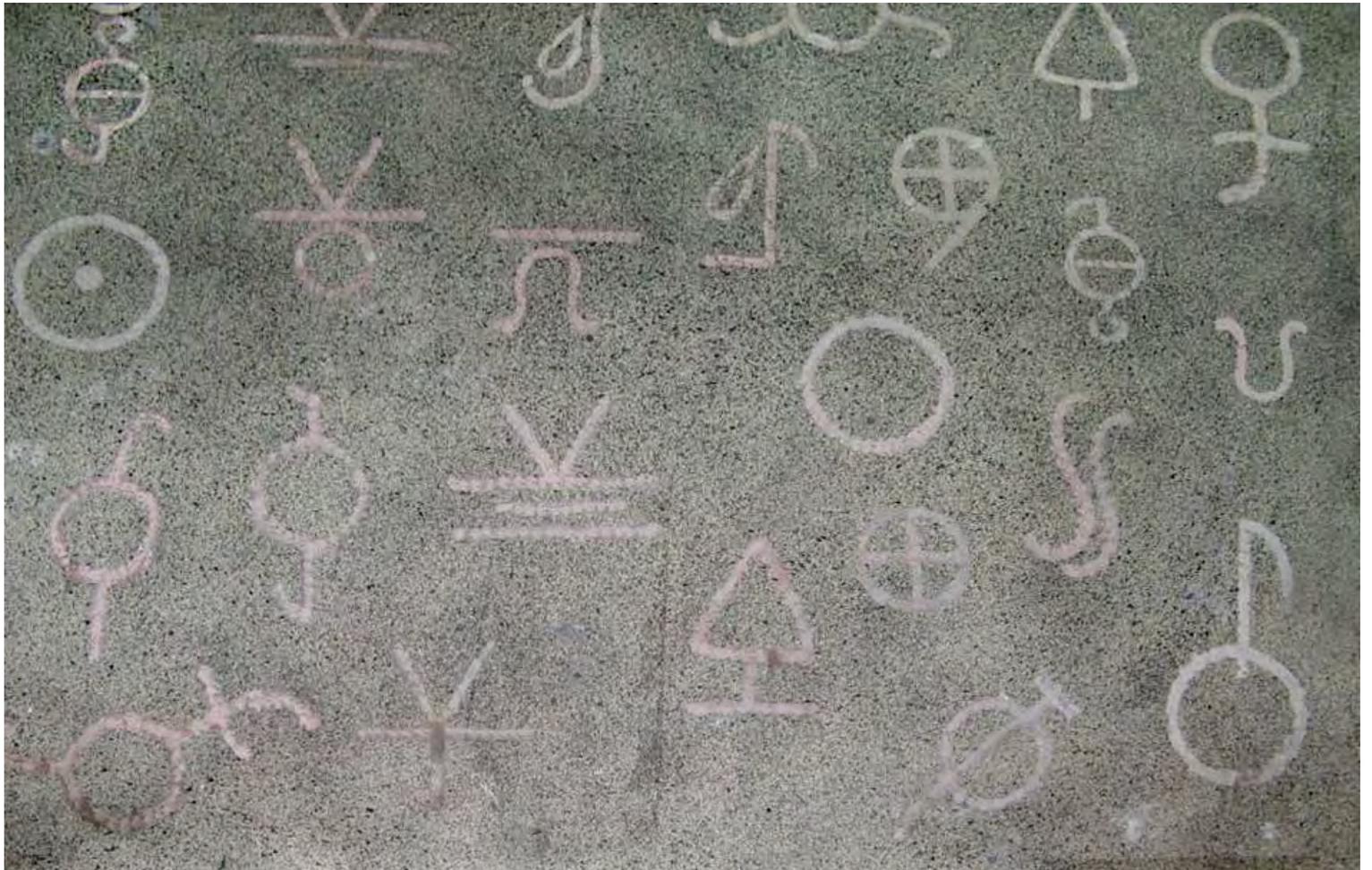
В обзоре родовых тамг ойратов современной Монголии отметим их этническое многообразие, обозначаемое древней традицией дербетов и баитов, хошутов и захчинов, олетов, торгутов, хойтов, алтайских урянхайцев и мингатов. Известно, что в древности у ойратов и калмыков традиция таврения (нанесения меток на предметы собственности), и в первую очередь на скот, имела широкое распространение. На сегодняшний день тамговая культура в их среде, востребованная в разном качестве и разной степени, мало исследована в сравнительном анализе. Объясняется это тем, что в силу исторических обстоятельств первоначальное значение тамг, функции и даже названия во многом калмыками забыты и носят скорее символический характер, являясь маркером той или иной родовой группы этноса [14, с. 70–77]. В среде ойратов Монголии, сохранивших традиционный уклад пастбищного скотоводства, тамги применяются довольно широко, функционально и семантически используются по прямому назначению, представляя собой символику изображения, свободно перекочевавшую в произведения современных художников [16, с. 85–88].

Предварительный анализ показывает, что каждая этническая группа имеет одну или две основные тамги во множестве вариаций. Например, у дербетов широко распространена тамга *сар* 'луна, полумесяц' и *дэгрээ* 'крюк'. У захчинов, в прошлом являвшихся этносословной группой, в состав которой вошли различные ойратские элементы (дербеты, торгуты, олёты и др.), помимо основной тамги *дэгрээ* 'крюк' имеется целый ряд других тамговых обозначений, например: *хэт* 'огниво', *хас* 'свастика', *гулз* 'рога' и др. В совокупности изобразительных мотивов тамг можно составить самобытную этническую картину мира, представляющую космогонические верования, хозяйственный уклад бытия и в целом культуру предков. Всё это дает возможность исследовать тамги как архаический пласт орнаментальной культуры ойратов, а также в качестве маркеров этнических связей в родовых реликтах традиционного общества западных монголов.

Орнаментальные мотивы искусства предков монголов запечатлены в наскальных и пещерных рисунках, погребениях Ноин-Улы, Ордоса, Пазырыка. Скифо-алтайский звериный стиль прикладного искусства подтверждает общность номадической

**1. Разнообразие
тамговых знаков
ойратов.**

2007,
Ховд,
Западная Монголия.
ПМА 2007.
Фото Д.Б. Гедеевой

**2. Тавро лошади
(мянгаты).**

2007,
Ховд,
Западная Монголия.
ПМА 2007.
Фото Д.Б. Гедеевой

цивилизации, сформировавшей культуру древних монголов и тюрков. Стеганое искусство художественно оформленного войлока сохранилось, представляя архаический пласт культурного наследия номадов. Возникшее на стыке разных цивилизаций, оно впитало и, в свою очередь, сформировало многие самобытные традиции построения декора. Образную систему мировидения древних представляет орнаментальная трехчастная композиция, состоящая из центрального медальона «ор хээ», окруженного по периметру узорами «онцог булан», «зайд булан», «буйд булангийн хээ» и в завершении каймой «ховоо зах хээ». В декоре используются решетчато-криволинейные узоры, сплетения «шургуулга», кайма из одинарного меандра «дан алх» и бинарного меандра «давхар алх», представляющего собой молоточный узор, сплетения ленточного меандра «туузан алх» — символы понятий движение, труд и вечность жизни [27, с. 477].

Для изделий прикладного искусства монголов характерно многообразие мотивов в формировании декора, генерирующего тектонику и конструкцию, художественное своеобразие. Ритм определяет соразмерность мотивов в повторяемости элементов и симметрии композиции, ее цветовую гармонию. Важно подчеркнуть: многочисленные вариации монгольской орнаментики выражают идею «движения в развитии» в семантике и символике мотивов рисунка. И это характерно для мобильной культуры кочевников. Монгольский орнамент образует систему, дифференцируемую Л. Батчулууном на группы: геометрический («алхаан хээ», «тумэн насан», «зоосон хээ»), зооморфный (вариаций «эвэр угалз» (рогообразный), «хамар угалз» (пальметки), «дорвон хучтэн» (четыре сильных животных). Растительный орнамент составлен мотивами листьев, цветов, древом жизни. Пейзажный орнамент обозначает ландшафт и природные явления («саран хээ» — луну, «уулын хээ» — облака, «долгио хээ» — волны). Геральдику представляют сочетанием орнаментальных элементов «соёмбо», «восемь сокровищ», «усгэн хээ» (буквенный). Все они в той или иной степени характеризуют войлочный декор, выражающий в древних истоках художественное мышление предков, передающее «структурную первооснову предметов и явлений мира», — отмечает исследователь узорного войлока Л. Батчулуун [27, с. 479, 482].

Орнамент выявляет и подчеркивает самобытные формы материально-художественной культуры. В этом суть узора, неотъемлемого элемента прикладного искусства, системно организованного в ритмической структуре декора. Достоянием ойратов и калмыков является меандр «алхан зег», олицетворяющий вечное движение, жизнь. Линейная выразительность узора

3. **Коокур (торгуты), сосуд из кожи.**

XX в.

Западная Монголия.

Фото С.Г. Батыревой

4. **Дашмаг (олеты), сосуд из кожи.**

XX в.

Западная Монголия.

Фото С.Г. Батыревой

5. Современный войлок Западной Монголии.

XXI в.

Интерьер юрты

«эсгий гэр».

Музей Увс аймака.

Фото С. Батчулууна

«зег» в консервации и дальнейшем творческом осмыслении древней традиции на ткани несет этноинтегрирующие функции народного искусства калмыков [7, с. 210–221; 9, с. 158].

Линейный, треугольный, ромбовидный, зигзагообразный узоры, Г- и Т-образные меандры, бегущая спираль — всё это составляет в вариациях тамговое начало геометрического орнамента монгольских народов. Их сочетание с растительным орнаментом в крестовидной форме четырехлепесткового цветка можно видеть в декоре войлока ойратов Монголии из коллекции Музея имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН. Каждому орнаменту свойственна семантическая нагрузка. В образной памяти калмыков, наследников центрально-азиатских традиций, сохраняются узел «өлз зег», означающий благоденствие и пожелание счастья, орнамент «өвр зег» в символике процветания и умножения скота как основы жизнедеятельности кочевого народа.

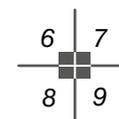
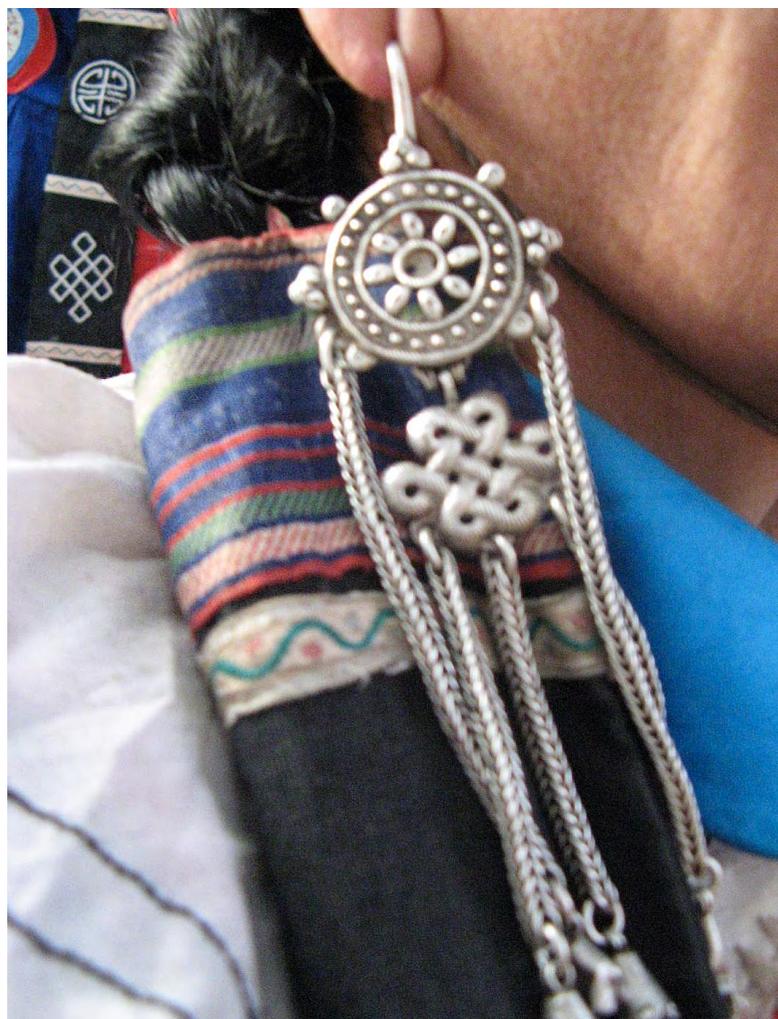
Заметим, народный орнамент всегда позитивен в своем содержании. К этому выводу приходишь, анализируя сведения, полученные от мастеров-прикладников, посетивших Музей КалмНЦ РАН. Мастера войлочного искусства Гээлгийн Хонграа (захчин 1950 г.р.) и Баярсайхан Халгаа (урянха 1961 г.р.) — ойраты Ховдского аймака Западной

Монголии. Нарисовав обширный орнаментальный ряд, обозначили узоры, выделив геометрический, растительный и зооморфный мотивы узоров: *дан алх*, *гулз*, *нургулг*, *усан хээ*, *ундусни*, *булан угалз*, *зурхэн хээ*, *уулан хээ*, *ханан хээ*, *хас хээ* в описании [ПМА 2018]. Ими указана магическая роль орнамента как оберега: меандр «*алхан зег*» обозначает нить счастья в бордюре войлочных изделий. В зависимости от направленности Г-образного узора различают мужской (движение вправо) и женский, устремленный влево, обусловленные в философии *арга билиг*. Разновидность Т-образного орнамента, он выступает символом единства семьи, супружеского долголетия и благополучия.

Декоративное искусство — выразитель эстетики тождества формы, содержания и функции [8, с. 85–91] в культурном подобии макро- и микрокосмоса. В типологической характеристике орнамента выделены основные историко-культурные комплексы монгольских народов [15, с. 374–375], характеризующие процесс этнокультурогенеза. Искусству ойратов и калмыков свойственны саяно-алтайский и южно-сибирский типы орнамента, обозначающие западномонгольский ареал бытия. Общее типологическое ядро орнамента трансформируется, обрастая инокультурными наслоениями постойратской истории калмыков России. Тамговый знак как матричная основа декора осуществляет трансляцию архетипов образного мышления предков в этническом своеобразии прикладного творчества. Оно сохраняет ритм кочевого бытия, уходящего корнями в архаику мироощущения кочевников, выраженного в образной полноте форм и разновидностей орнамента **народного костюма** и его атрибутов. Призванный защитить и оберечь, тамговый в происхождении узор создает магию мифопоэтического наполнения предметной среды кочевников.

Человек приобщается к миру, дополняя и украшая его результатами своего творчества в создании бытовой среды. Декор изделий конструирует мир в параметрах центрированной и симметричной композиции, традиционной символики цвета. Выразительными средствами орнамента гармонизируется воспроизводимая вселенная кочевников. Художественную систему нанесения декора правомерно рассматривать моделью освоенного, то есть окультуренного пространства бытия [4, с. 23–29] в произведениях народного декоративного искусства.

Музейный материал народного костюма ойратов и калмыков дает возможность рассмотреть прикладное творчество в сравнительном анализе художественной обработки ткани. Изобразительный ряд костюма ойратов, собранный художником М. Амгаланом, фотоматериалы и полевые записи культурного наследия обобщаются в анализе прикладного творчества народов.

6. Женский костюм дербетов.

XIX–XX вв.
Ховд,
Западная Монголия.
ПМА 2007.
Фото С.Г. Батыревой

7. Серьги (дербеты).

XIX–XX вв.
Западная Монголия.
ПМА 2007.
Фото С.Г. Батыревой

8. Женский костюм. Токиг, подвески к косам.

XX в.
Западная Монголия.
ПМА 2007.
Фото С.Г. Батыревой

9. Мужской костюм (торгут).

Западная Монголия.
ПМА 2007.
Фото С.Г. Батыревой

В междисциплинарном исследовании, учитывающем данные истории, культурологии и отечественного музееведения, выявляется знаковая специфика костюма, предстающая в качестве модели мира, сопрягаемой с историей и этническим самосознанием монголоязычных ойратов и калмыков [2, с. 16–23; 3, с. 79–87].

Мировидение ойратов, обозначаемое цветом и обрядами жизненного цикла, связано с землей и небом, образующими пространство срединного мира человека. Небо — основатель, творец мироздания и всего, что происходит на земле, формирует в системе изображения взаимообусловленную целостность мира. Учение *арга билиг* монголов распространяется и на традиционную символику цвета, объемлющую предметный мир, жилище и народный костюм. Здесь находит выражение представление о системе взаимосвязей мира и человека в параметрах пространства и цвета. Пространственной сферой бытия человека рассматривается не только жилище, но и этнический костюм в ансамбле атрибутов и деталей [5, с. 86–95].

Отвечая требованиям кочевого уклада, этико-эстетическим воззрениям общества, достаточно разнообразны в деталях головные уборы ойратов с обязательным красным верхом в виде узла или кисти *залаа (зангилаа)*. У захчинов головной убор в круглом плане выступает своеобразным отражением этнической картины мира, продуманной в деталях красочного декора. Заметим, с головным убором калмыков связано много обрядов, ритуалов и поверий. Женский головной убор являлся определяющим маркером социальной и половозрастной дифференциации этнической общности. Это *тамша, камчатка, халвц, хажилһа, тоорцг*. Форма шапок *хаджилга, халвнг/халмаг* и конструкция калмыцкой кибитки в плане образуют совокупность круга и квадрата в плане. Головной убор в знаковой системе костюма — традиционный маркер верхней мифологической зоны, а обязательный атрибутивный красный верх *улан зала* 'красная кисть' убора — символ Солнца, солярный знак, акцентируемый калмыками в этническом самоназвании *улан залата хальмгуд* [3, с. 79–87]. В системе декора калмыцкого костюма обнаруживается сохранение эндемичной традиции и ее трансформированное развитие в новых условиях расселения народа и расширения его этнокультурных контактов.

У ойратов дербетская шапочка *юудэн* в виде чепца, напоминающая округленные очертания Красной горы в Улан Го́ме Увс аймака, носится мужчинами и женщинами, распространена у баитов и котонов. Интересен своеобразной формой баитский убор *шаазгай малхай*, напоминающий в форме сидящую сороку. Своеобразную проекцию зооморфного образа можно видеть в народном танце ойратов «Хромая сорока», доказывающем единые

природные истоки пластического фольклора. Особенностью одежды торгутов является войлочная обувь *тооку*, поэтически ими описываемая.

В женском костюме волосы ойраток обязательно убираются в черные матерчатые чехлы *токиг*, а сверху платья надевается белый воротник. В бинарной оппозиции черного и белого, осевой в призме учения *арга билиг* о взаимообусловленности явлений бытия, выражена традиционная символика народного мировидения. Типологической целостностью отмечено убранство женского костюма ойратов, в котором превалируют украшения из белого серебра и красного коралла в символике цвета, вместе с тем различающиеся орнаментальным декором формы и деталей. Отметим традицию олетов — юношей и девушек — носить до брака серьгу в одном ухе, у дербетов — привязанность к бабочкообразной форме серебряных подвесок к косам, имеющих обрядовый характер.

Общим в мужском туалете является обязательное наличие матерчатого кушака или пояса, надеваемого в особых случаях в традиционном наборе атрибутов из серебра и коралла, рога и кости, дерева, ткани и кожи. Их декор свидетельствует о богатстве приемов обработки материалов, демонстрирует стилевое своеобразие одежды и атрибутов, выработанных столетиями традиционного быта ойратов.

Исследование декоративно-прикладного творчества в предварительном обзоре художественных традиций пластического фольклора дает возможность ощутить единство и локальное своеобразие явлений в архаике пространственного мировидения, своеобразный код культуры, сформированный в преемственности и трансформации традиций ойратов Западной Монголии XX — начала XXI вв.

Источники

ПМА 2007 — Полевые материалы. Комплексная научно-поисковая экспедиция КалмГУ (Западная Монголия), 2007.

ПМА 2018 — Полевые материалы. Записи 15 мая 2018. 6 с.

Литература

1. Батсайхан Ц.-О., Бесчастнов Н.П. Монгольские ковры: история, теория и методы проектирования. М.: Моск. гос. ун-т дизайна и технологии, 2016. 231 с.
2. Батырева К.П., Батырева С.Г. Народный костюм ойратов Монголии и калмыков России в призме историко-культурного анализа традиций декора // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 2. С. 16–23.
3. Батырева К.П., Бембеев Е.В. Калмыцкий женский головной убор как символ этнической идентичности // Вестник Бурятского государственного университета. 2020. № 3. С. 79–87.
4. Батырева С.Г. Орнаментальный декор войлока в пространстве этнического мировидения (по материалам музейных коллекций Калмыкии) // Oriental Studies. 2018. № 6. С. 23–29. DOI 10.22162/2619-0990-2018-40-6-23-29.
5. Батырева С.Г., Гантулга Д. Цвет и пространство в традиционной культуре ойратов Монголии и калмыков России // Secreta Artis. 2021. № 2. С. 86–95. DOI: 10.51236/2618-7140-2021-4-2-86-95.
6. Батырева С.Г. Калмыцкое изобразительное искусство XIX – начала XX в. Опыт историко-культурной реконструкции. Автореферат дисс. ... докт. искусствоведения. Москва: С. п., 2011. 45 с.
7. Батырева С.Г. Меандр «зег» в декоре войлока как отображение мировидения калмыков и ойратов Монголии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 210–221. DOI: 10.17223/22220836/36/20.
8. Батырева С.Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX в. Элиста: АОР «НПП «Джангар», 2006. 160 с.: ил.
9. Батырева С.Г. Народное прикладное искусство в экспозиции Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН // Великая степь: исторические исследования. 2020. № 2. С. 169–178.
10. Бурятский бытовой орнамент [Коллекция рукопис. фонда Ин-та обществ. наук] / Рукопис. отд. БФ СО АН СССР. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. 61 с.
11. Вяткина К.В. Общие черты материальной и духовной культуры западных монголов, бурят и южных алтайцев // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. С. 352–368.
12. Гантулга Д. Монгольский традиционный орнамент: мотивы типа арга // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2019. № 2 (13). С. 42–51. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.02.004. URL: <https://eurasia-art.ru/index.php/art/article/view/299>.
13. Гантулга Д., Батырева С.Г. Основные принципы смысловыражения в декоративно-прикладном искусстве древней Монголии // Наследие веков. 2020. № 4. С. 53–63.
14. Гедеева Д. Б. О видах калмыцких родовых тамг // Великая степь: исторические исследования. 2020. № 2. С. 70–77.
15. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) / Народы Севера и Дальнего Востока. Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том 81. Москва – Ленинград. Издательство АН СССР, 1963. 500 с.
16. Искусство Сибири и Монголии XX – начала XXI в.: очерки истории и теории. Монография / Под ред. М.Ю. Шишина, С.М. Белокурова, Д. Уранчимэг, Е.В. Макаровой. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2018. 321 с.
17. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление / Пер. с нем. С.А. Ромашко. М. – СПб.: Университетская книга, 2002. 279 с.
18. Кочешков Н.В. Декоративное искусство монгольских народов XIX – середины XX в. / Отв. ред. С.В. Иванов. М.: Наука, 1979. 206 с.
19. Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии / Отв. ред. А.П. Окладников. М.: Мысль, 1981. 174 с.
20. Ринчен Б. Из нашего культурного наследия. Улан-Батор, 1958. 172 с.
21. Сычев Д. В. Хальмг улсин эрдм = Калмыцкое народное искусство. Альбом. Элиста: Министерство культуры Калмыцкой АССР, 1971. 111 с.
22. Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Монография / Э.П. Бакаева, К.В. Орлова, Д.Н. Музраева, Т.И. Шараева, Н.В. Балинова, И.А. Хомякова, С.В. Мирзаева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 456 с.
23. Учение «арга билиг» как ось монгольской культуры: монография / под общ. ред. М.Ю. Шишина. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2013. 181 с.
24. Амгалан М. Баруун монголчуудын эдийн соелын дурсгалт зүйлс [[Памятники материальной культуры западных монголов]. Улаанбаатар: Монсудар, 2000. 212 с.
25. Баасанхуу А. Монгол Алтайн бус нутгийн ард түмний эдийн соел [Материальная культура народа Монгольского Алтая]. Улаанбаатар: Монгол Алтай Судлалын Хурээлэн, 2006. 228 с. Зургаа. Эсгий эдлэл. VI felt goods.
26. Баатархуу Б., Одсурэн Д. Монгол гэр. Тайлбар толь. Encyklopedia of ger [Монгольская юрта. Толковый словарь]. Улаанбаатар: Адмон Принт, 2015. 282 с.
27. Батчулуун Л. Монгол эсгий ширмэлийн урлаг [Монгольское войлочное искусство]. Улаанбаатар хот: Интерпресс, 1999. 499 с.
28. Баярмаа Ч. Монгол ардын хээ угалз: Өлзий хээ угалз [Монгольские народные узоры: символические орнаменты благополучия]. Улаанбаатар, 2010. 96 с.
29. Гантулга Д. Монголчууд үлэмж ертөнцийн орон зайд [Монголы в огромном мире]. Улаанбаатар, 2017. 172 с.
30. Пүрэвдорж Г. Ойрад Монголчуудын малын им тамга. Улаанбаатар: «Экимто» ХХК, 2008. 88 с.
31. Пэрлээ Х. Монгол түмний гарлыг тамгаар хайж судлах нь. Бүтээлийн чуулган. II [боть] / Редакцийн зөвлөл: Т. Дорж, Д. Цэвээндорж, Ж. Саруулбуян, С. Чулуун, А. Очир, Б. Цогтбаатар, Ч. Амартүвшин, Т. Оюун; Ботийн эрхлэгч, доктор, профессор А. Очир; Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн: Б. Бадма-Оюу, Р. Мөнхтулга, Б. Батдалай. Улаанбаатар: «БЭМБИ САН» хэвлэлийн газарт хэвлэв, 2012 он. 370 х.
32. Цултэм Н.-О. Монголын уран зургийн хогжиж ирсэн тойм (Происхождение монгольского искусства). Улаанбаатар, 1988. 16 х.
33. Эрдэнэцэцэг Ш. Баядын хуримлах ёсон. Улаанбаатар: Бемби сан, 2005. 189 х.
34. Batsukh Bold. Mongolian national ornament. Beijing, 2008. 273 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Батырева Светлана Гарриевна — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела этнологии, археологии и антропологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук, г. Элиста, Российская Федерация. ORCID: 0000-0003-4268-0705. E-mail: sargere@mail.ru*

ABOUT AUTHOR: *Batyreva, Svetlana Garrievna – Doctor of Art Studies, Leading Researcher of the Department of Ethnology, Archeology and Anthropology at the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-4268-0705. E-mail: sargere@mail.ru*

References

1. Batsaykhan Ts.-O., Beschastnov N.P. *Mongol'skiye kovry: istoriya, teoriya i metody proyektirovaniya* [Mongolian rugs: history, theory and design methods]. Moscow, Moscow State University of Design and Technology Publ., 2016. 231 p. (In Russian)
2. Batyreva K.P., Batyreva S.G. Narodnyy kostyum oyratov Mongolii i kalmykov Rossii v prizme istoriko-kul'turnogo analiza traditsiy dekora [Folk costume of the Oirats of Mongolia and Kalmyks of Russia in the prism of the historical and cultural analysis of the traditions of decor]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta – Bulletin of the Kalmyk University*, 2021, No. 2, pp. 16–23. (In Russian).
3. Batyreva K.P., Bembeev E.V. Kalmytskiy zhenskiy golovnoy ubor kak simvol etnicheskoy identichnosti [Kalmyk female headdress as a symbol of ethnic identity]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2020, No. 3, pp. 79–87. (In Russian).
4. Batyreva S.G. Ornamental'nyy dekor voyloka v prostranstve etnicheskogo mirovideniya (po materialam muzeynykh kollektsey Kalmykii) [Felt Ornamental Patterns within of the Ethnic Worldview (a Case Study of Kalmykia's Museum Collections)]. *Oriental Studies*, 2018, No. 6, pp. 23–29. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-40-6-23-29>.
5. Batyreva S.G., Gantulga D. Tsvet i prostranstvo v traditsionnoy kul'ture oyratov Mongolii i kalmykov Rossii [Color and Space in the Traditional Culture of the Oirats of Mongolia and the Kalmyks of Russia]. *Secreta Artis*, 2021, No. 4 (2), pp. 86–95. DOI: <https://doi.org/10.51236/2618-7140-2021-4-2-86-95>. (In Russian).
6. Batyreva S.G. *Kalmytskoye izobrazitel'noye iskusstvo XIX – nachala XX v. Opyt istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii* [Kalmyk fine art of the 19th – early 20th centuries. Experience of historical and cultural reconstruction. Dr. Art sci. diss. Abstr.]. Moscow, S. n., 2011. 45 p. (In Russian).
7. Batyreva S.G. Meandr “zeg” v dekore voyloka kak otobrazheniye mirovideniya kalmykov i oyratov Mongolii [Meander “zeg” in the decor of felt as a reflection of the world view of Kalmyks and Oirats of Mongolia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2019, № 36, pp. 210–221. DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/36/20>. (In Russian).
8. Batyreva S.G. *Narodnoye dekorativno-prikladnoye iskusstvo kalmykov XIX – nachala XX v.* [Folk arts and crafts of the Kalmyks of the 19th – early 20th centuries]. Elista, JSC «NPP» Dzhangaar» Publ., 2006. 160 p. (In Russian).
9. Batyreva S.G. Narodnoye prikladnoye iskusstvo v ekspozitsii Muzeya traditsionnoy kul'tury imeni Zaya-pandity Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN [Folk applied arts in the exposition of the Museum of Traditional Culture named after Zai-Pandita of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. *Desertum Magnum: studia historica*, 2020, No. 2, pp. 169–178. (In Russian).
10. *Buryatskiy bytovoy ornament* [Buryat household ornament. Collection of manuscripts. Fund of the Institute of Societies. Sciences. Ulan-Ude, Buryatskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1974. 61 p. (In Russian).
11. Vyatkina K.V. Obshchie cherty material'noi i dukhovnoi kul'tury zapadnykh mongolov, buryat i yuzhnykh altaitsev [General features of the material and spiritual culture of the Western Mongols, Buryats and Southern Altaians]. *Trudy VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk* [Proceedings of the 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 352–368. (In Russian).
12. Gantulga D. Mongolian traditional ornament: arga motifs. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*, 2019, No. 2 (13), pp. 42–51. DOI: <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2019.02.004>. (In Russian).
13. Gantulga D., Batyreva S.G. Osnovnyye printsipy smyslovyrazheniya v dekorativno-prikladnom iskusstve drevney Mongolii [Basic principles of meaning in the decorative and applied art of ancient Mongolia]. *Naslediye vekov – Heritage of the centuries*, 2020, No. 4, pp. 53–63. (In Russian).
14. Gedeeva D.B. O vidakh kalmytskikh rodovykh tamg [About the types of Kalmyk tribal tamgas]. *Desertum Magnum: studia historica*, 2020, No. 2, pp. 70–77. (In Russian).
15. Ivanov S.V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (po materialam XIX – nachala XX v.)* [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials from the 19th – early 20th centuries)]. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 500 p. (In Russian).
16. Shishin M.Yu., Belokurova S.M., Uranchimeg D., Makarova E.V. (eds.). *Iskusstvo Sibiri i Mongolii XX – nachala XXI v.: ocherki istorii i teorii* [Art of Siberia and Mongolia 20th – early 21st century: essays on history and theory]. Barnaul, Altai State Technical University Publ., 2018. 321 p. (In Russian).
17. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 2. Mifologicheskoye myshleniye* [Philosophy of symbolic forms. Vol. 2. Mythological thinking]. Translated from German by S.A. Romashko. Moscow, St. Petersburg, University book Publ., 2002. 279 p. (In Russian).
18. Kocheshkov N.V. *Dekorativnoye iskusstvo mongoloyazychnykh narodov XIX – serediny XX v.* [Decorative arts of the Mongolian-speaking peoples of the 19th – mid-20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 206 p. (In Russian).
19. Maidar D. *Pamyatniki istorii i kul'tury Mongolii* [Monuments of history and culture of Mongolia]. Moscow, Mysl Publ., 1981. 174 p. (In Russian).
20. Rinchen B. From our cultural heritage. Ulaanbaatar, 1958. 172 p. (In Russian).
21. Sychev D.V. *Khalimg ulsin erdm* [Kalmyk folk art. Album]. Elista, Ministry of Culture of the Kalmyk ASSR, 1971. 111 p. (In Russian).
22. Bakaeva E.P. et al. *Transgranichnaya kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya traditsiy zapadnykh mongolov i kalmykov* [Cross-Border Culture: Essays on Comparative Study of the Traditions of Western Mongols and Kalmyks]. Elista, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2016. 456 p. (In Russian).
23. Shishin M.Yu. (ed.). *Ucheniye arga bilig kak os' mongol'skoy kul'tury* [Arga bilig doctrine as an axis of Mongolian culture]. Barnaul, Altai State Technical University Publ., 2013. 181 p. (In Russian).
24. Amgalan M. *Baruun mongolchuudyn ediin soyelyn dursgalt zuils* [Economic and cultural monuments of Western Mongolians]. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2000. 212 p. (In Mongolian).
25. Baasanhuu B.A. *Mongol Altain bus nutgiin ard tumnii ediin soyel* [Material culture of Mongol Altai region]. Ulaanbaatar, Mongol Altai Research Institute, 2006. 228 p. (In Mongolian).
26. Baatarhuu B., Odsuren D. *Mongol ger. Tailbar toli. Encyklopedia of ger* [Ger. Dictionary. Encyclopedia of ger]. Ulaanbaatar, Admon Print, 2015. 282 p. (In Mongolian).
27. Batchuluun L. *Mongol esgii shirmeliin urlag* [The art of Mongolian felt quilting]. Ulaanbaatar, Interpress Publ., 1999. 499 p. (In Mongolian).
28. Bayarmaa Ch. *Mongol ardyn khee ugalz: Olzii khee ugalz* [Mongolian folk ornament ram: Ulzii ornament ram]. Ulaanbaatar, 2010. 96 p. (In Mongolian).
29. Gantulga D. *Mongolchuud ülemj yertöntsiiin oron zaid. Ulaan Baatar* [Mongolians are in a vast world]. Ulaanbaatar, 2017. 172 p. (In Mongolian).
30. Pürevdorj G. *Oirad Mongolchuudyn malyn im tamga* [Tamga signs of the Oirat Mongols]. Ulaanbaatar, Ekimto Publ., 2008. 88 p. (In Mongolian).
31. Perlee H. *Mongol tūmnii garlyg tamgaar khajii sudlakh ni. Būteeliin chuulgan* [Exploring the origins of the Mongolian people through stamps]. Ulaanbaatar, Bembi San, 2012. 370 p. (In Mongolian).
32. Tsultem N.-O. *Mongolyn uran zurgiiin khogjii irsen toim* [An overview of the development of Mongolian art]. Ulaanbaatar, 1988. 16 p. (In Mongolian).
33. Erdenetsetseg Sh. *Bayadyn khurimlakh yoson* [Bayad's wedding ceremony]. Ulaanbaatar, Bembi San, 2005. 189 p. (In Mongolian).
34. Batsukh B. Mongolian national ornament. Beijing, 2008. 273 p.

Для цитирования | For citation:

Батырева С.Г. Народное декоративно-прикладное искусство ойратов Монголии: к постановке проблемы изучения // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2021. № 3 (22). С. 78–89. DOI: <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2021.03.007>. URL: <https://eurasia-art.ru/index.php/art/article/view/754>

Batyreva S.G. Folk arts and crafts of the Oirats of Mongolia: to the formulation of the problem of study. *Iskusstvo Evrazii — The Art of Eurasia*, 2021, No. 3 (22), pp. 78–89. DOI: <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2021.03.007>. Available at: <https://eurasia-art.ru/index.php/art/article/view/754> (In Russian).